

И. П. Ким

РЕПАТРИАЦИЯ ЯПОНЦЕВ С ЮЖНОГО САХАЛИНА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Рассматривается история переселения японцев с территории Сахалинской области в 1946 – 1949 гг.

The article considers the resettlement of the Japanese from the Sakhalin Region in 1946 – 1949.

Ключевые слова: население СССР после Второй мировой войны, японцы, репатриация, Сахалин.

Keywords: population of the USSR after the World War II, the Japanese, repatriation, Sakhalin.

По результатам Второй мировой войны Советский Союз существенно расширил свои границы, часть присоединенных территорий ныне находится в составе Российской Федерации, в том числе образовавшиеся после войны Кёнигсбергская (Калининградская) и Южно-Сахалинская (вошедшая в состав Сахалинской) области. Несмотря на огромную удаленность друг от друга, они прошли во многом схожие пути послевоенного развития. Одной из ярких сходных черт стала демографическая политика государства, направленная на интеграцию присоединенных территорий в состав Советского Союза. За очень короткий период в новых областях произошла полная замена населения – на место репатриированных японцев и немцев были заселены советские граждане.

Вопрос о репатриации японцев не раз становился объектом изучения [3–6], однако до сих пор практически не были задействованы материалы центральных архивов, без которых картина репатриации будет не полной.

На момент подписания Японией пакта о безоговорочной капитуляции за пределами страны находилось 6 млн 450 тыс. японских граждан, из которых около 5,5 млн к августу 1947 г. были уже репатриированы. В Советском Союзе к концу войны, по данным японской прессы, находилось около 850 тыс. человек, из них 263 тыс. на Южном Сахалине и Курильских островах [11, д. 364, л. 68].

В январе 1946 г. вышли две директивы главнокомандующего оккупационными силами США в Японии Д. Макартура; в одной содержалось указание о репатриации граждан Японии с Южного Сахалина и Курильских островов, согласно другой, южные Курильские острова, включая группу островов Хабомаи, исключались из-под юрисдикции Японии. Это послужило основанием для репатриации японских граждан с Южного Сахалина и Курил [5, с. 104].

По данным НКВД и НКГБ СССР от 26 января 1946 г., на Южном Сахалине до начала военных действий проживала 391 тыс. человек, из ко-

торых 286 тыс. — в городах и 105 тыс. — в сельской местности. С началом военных действий около 40 тыс. человек было эвакуировано на Хоккайдо — в основном женщины и дети [8, д. 134, л. 159]. Всего, по данным Сахалинского обкома, с острова до окончания войны выехало более 102 тыс. человек. Сотни сел оказались покинуты, так как при занятии Южного Сахалина часть японского населения бежала с мест постоянного жительства. В городах на юге острова скопилось около 70 тыс. беженцев, которых в течение двух месяцев возвращали к местам постоянного проживания, но десятки тысяч человек все еще оставались в лесах [11, д. 329, л. 42]. По данным МВД СССР от 22 октября 1946 г., на Южном Сахалине было зарегистрировано 339 986 человек — 65 400 русских и 274 586 японцев, корейцев, китайцев и «лиц других местных национальностей» [8, д. 139, л. 245].

После достижения в декабре 1946 г. договоренности между СССР и США о проведении репатриации с островов [1, с. 22] вывоз японцев с территории Советского Союза, начавшийся в октябре 1946 г., распространился на Сахалин. К 1 августа 1947 г. в Японию было отправлено 124 308 человек [11, д. 364, л. 68]. Всего планом на 1947 г. предусматривалось переселение с апреля по ноябрь 240 тыс. японцев — по 30 тыс. человек в месяц. Непосредственно перед отправкой на Хоккайдо репатрианты доставлялись в транзитный лагерь №379 в Холмске, а уже оттуда их вывозили в Японию группами по 3 тыс. человек [9, д. 509, л. 22, 31]. Списки переселенцев составлялись на предприятиях и в учреждениях, просматривались в местных Советах, в органах милиции и госбезопасности, после чего утверждались репатриационными комиссиями [3, с. 216]. По заявкам советских организаций для перевозки репатриантов американской стороной предоставлялись японские суда и экипажи. С момента погрузки на борт все расходы и заботы о переселенцах возлагались на японское правительство.

При отъезде гражданским лицам разрешалось вывезти до 100 кг личных вещей на человека и до 1000 иен, а военнопленным личные вещи в объеме ручного багажа и до 200 иен солдатам и 500 офицерам. Кроме того, можно было забирать с собой личные финансовые документы, подлежащие оплате в Японии, но запрещалось вывозить советские денежные знаки [9, д. 509, л. 52 — 53].

Председателем комиссии по репатриации был назначен начальник областного гражданского управления Д. Н. Крюков. Согласно установленной очередности выселения, сначала перевозились руководители и владельцы предприятий, чиновники, часть интеллигенции и служащие, имеющие в Японии вывезенных в начале войны членов семей. Затем отправлялись рабочие; крестьяне и часть сельских служащих подлежали перемещению после уборки урожая 1947 г. В последнюю очередь репатриировались врачи, учителя, инженеры и другие специалисты, а также священнослужители. При необходимости комиссия давала разрешение на внеочередной выезд представителям любой из категорий. От части японского населения поступали заявления с просьбой ос-

тавить их на Сахалине не только по личным причинам, но и из-за возвращения в Японию миллионов репатриантов, что провоцировало массовую безработицу и проблемы с продовольствием [2, с. 26–27]. Выехавшие японцы в основном оседали на Хоккайдо [11, д. 364, л. 70].

Первая волна переселения из Сахалинской области проходила в сложных условиях. Работа лагеря для репатриантов в Холмске вызывала нарекания со стороны начальства. По результатам проверки, проведенной в мае 1947 г., было выявлено много недостатков в работе как самого лагеря, так и отдела репатриации Дальневосточного военного округа. Несмотря на нехватку кадров и плохую санитарную обстановку, в лагере должен был находиться постоянный трехтысячный резерв переселенцев на случай непредвиденных срывов в их прибытии. В связи с этим в нем необходимо было разместить 6000 человек при фактической емкости в 5000 [9, д. 509, л. 101–103].

Массовая отправка японцев на родину порождала острую нехватку рабочей силы. Руководители Сахалинской области не раз ходатайствовали перед центральными властями о сокращении темпов репатриации и о срочном завозе советских граждан на острова. Они отмечали, что установленные планы по отправке не выполнялись на местном уровне – секретари райкомов запрещали исполнять приказы о репатриации. Это вело к несвоевременной доставке репатриантов в лагерь, в результате чего их приходилось сажать на корабли практически сразу по прибытии, и к отправке не полностью загруженных судов [11, д. 361, л. 6, 7]. Но в целом, несмотря на трудности, план по репатриации выполнялся [9, д. 510, л. 37, 54, 55, 59, 72, 75, 77, 96]. Одновременно с японцами, особенно со специалистами промышленности, заключались договоры на работу на 2–3 года, после чего они по желанию могли отправиться в Японию или остаться на Сахалине [10, д. 1, л. 37].

По решению уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации, навигационный период, завершившийся в ноябре 1947 г., открывался в апреле 1948 г. [11, д. 361, л. 17]. Пятого апреля 1948 г. вышло Постановление Совета министров СССР №1098-392с, согласно которому за период навигации из Сахалинской области необходимо было вывезти 106 тыс. японцев [7, д. 317, л. 38]. По секретному решению Сахалинского облисполкома в 1948 г. репатриации в первую очередь подлежали крестьяне, чьи хозяйства находились на территории колхозов. Если главы семей этих хозяйств находились на лесозаготовках, то их оттуда забирали, и семьи направлялись в Холмск в распоряжение Рыбтреста, где до прибытия судна они должны были работать на путине. Постройки, скот, сельскохозяйственный инвентарь и семена каждое хозяйство обязано было отдать по акту райисполкому для передачи колхозу, но копии актов запрещалось выдавать на руки японцам.

Если в хозяйстве семьи не хватало семян на засев имевшейся площади, происходила порча имущества и скота, то такие семьи лишались землепользования, не репатриировались, а их списки представлялись для направления в Поронайский леспромхоз. Допускалась задержка репатриации японцев, работавших в рыбной промышленности; рабо-

чие лесной промышленности подлежали выселению после окончания сплава леса. В конец очереди на репатриацию были включены крестьяне, имевшие план сева. Их отправляли по мере прибытия советских колхозников-переселенцев [10, д. 1, л. 31, 37].

В конце мая 1948 г. по решению спецотдела облисполкома «в целях предотвращения диверсий со стороны враждебно настроенных японцев» был установлен новый порядок репатриации. Составы репатриационных комиссий «укреплялись ответственными и проверенными работниками» и сотрудниками МВД и МГБ. О предстоящем отъезде семьям сообщалось всего за 24 часа до отправления в транзитный лагерь. Руководители организаций заранее в секретном порядке должны были подготовить расчет с работниками, а в момент объявления о репатриации выплатить зарплату и уволить [10, д. 1, л. 60а]. Другой стороной сообщения о репатриации в последний момент было стремление завладеть имуществом и недвижимостью японцев, не давая тем распорядиться им до отъезда [6, с. 65].

В июне 1948 г. от Переселенческого управления при Совмине РСФСР поступила информация, что переселение в сельскохозяйственные колхозы области будет произведено лишь в первой половине 1949 г. В связи с этим для сохранения земли, построек и имущества японских крестьян облисполком принял решение о приостановке их репатриации. Крестьянам было объявлено о необходимости готовиться к зиме и весеннему севу 1949 г. [10, д. 1, л. 81], а не занятое в сельском хозяйстве население продолжало репатриироваться.

Десятого июня 1949 г. вышло Постановление Совмина СССР №2326–905 о репатриации 4446 японцев, завершившее основной этап переселения. В июне – июле 1949 г. из Сахалинской области были отправлены все японцы, кроме подавших письменные заявления о своем нежелании уезжать [7, д. 406, л. 288–289].

Таким образом, в 1946–1949 гг. с территории Сахалинской области было репатриировано 272 335 человек японского гражданского населения и 8303 военнопленных. В 1957–1959 и 1964–1966 гг. на родину было отправлено 2682 бывших японских подданных, по разным причинам не выехавших с первой волной [4, с. 258, 259]. Так всего за 2,5 года массовой репатриации японцев был полностью изменен национальный состав образованной в 1947 г. Сахалинской области.

Список источников и литературы

1. Бок Зи Коу. Сахалинские корейцы: проблемы и перспективы. Южно-Сахалинск, 1989.
2. Крюков Д. Н. Гражданское управление на Южном Сахалине и Курильских островах в 1945–1948 годах // Краеведческий бюллетень. 1993. №3. С. 3–40.
3. Кузин А. Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск, 1994.

4. Подпечников В.Л. О репатриации японского населения с территории Южного Сахалина и Курильских островов // Вестник Сахалинского музея. 2003. №10. С. 257–260.
5. Подпечников В.Л. Репатриация // Краеведческий бюллетень. 1993. №1. С. 102–118.
6. Щеглов В.В. Население Сахалинской области в XX веке. Южно-Сахалинск, 2002.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446 сч. Оп. 106.
8. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2.
9. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1.
10. Государственный архив Сахалинской области. Ф. 459. Оп. 3.
11. Сахалинский центр документации новейшей истории. Ф. П-4. Оп. 1.

Об авторе

И.П. Ким — ст. преп., Сахалинский государственный университет, st-kolin@yandex.ru

Author

I. Kim, Assistant Professor, Sakhalin State University, st-kolin@yandex.ru

